

ственными самой модели формирования микросистемы) или же возникают при осмыслении, интерпретации микросистемы, очевидно, что сама способность поддерживать существование сверхличностного, прецедентного текста (*старики шутили*) указывает на актуальность этих связей для языковой личности носителя данной системы названий.

Комплексное изучение функционирования топонимов в различных видах топонимических текстов поможет выделить некоторые свойства группы топонимов, обладающих дополнительным значением, в частности – топонимов, имеющих прецедентную природу.

Н.В.Гультяева

Особенности словоупотребления в заговорных текстах

В данной статье рассматриваются особенности словоупотребления в заговорном тексте в связи с его функциональной направленностью и ритмической структурой. Источником материала послужили заговоры, извлеченные из сборника Л.Н.Майкова «Великорусские заклинания»⁷⁵, а также тексты заговоров, бытующих на территории Среднего Урала, собранные студентами и преподавателями Уральского университета во время фольклорных экспедиций и хранящиеся в фольклорном архиве кафедры русской литературы и фольклора (далее – ФА, затем указывается район и год фиксации).

Как и русская народная лирическая песня, заговорный текст часто строится по принципу параллелизма. Параллелизм может выступать в заговорных текстах в качестве основного композиционного приема, определяя структуру заговора в целом, либо в качестве вспомогательного приема, организуя отдельные текстовые фрагменты. Параллельная конструкция предполагает, как правило, сопоставление двух картин: картины природы и факта, события человеческой жизни. Назовем первую описываемую ситуацию *прототипической*, вторую – *желаемой*. В лирической песне функцией параллели является, по мнению исследователей, создание определенного эмоционального настроения и проекция его на основную, «человеческую» часть песенного произведения с целью

⁷⁵ См.: Великорусские заклинания: Сборник Л.Н.Майкова / Послесл., прим.и подг. текста А.К.Байбурина. СПб., 1994 (далее – Майков).

усиления ее эмоциональной выразительности⁷⁶, тогда как параллельная конструкция в заговорном тексте соотнесена с принципом имитативной магии, и проекция ситуации 1 (прототипической) на ситуацию 2 (желаемую) имеет не просто экспрессивную функцию, но нацелена главным образом на изменение желаемой ситуации.

В качестве примера можно привести следующий заговорный текст:

Как на дереве сучок сохнет,
Так у меня, раба..., ячмень сохнет,

(ФА: В-Салд, 1982)

в котором первая часть, содержащая «природную» параллель, должна изменить положение дел, описывающееся во второй части, т.е. избавить человека от болезни.

Заговорный текст предполагает, с одной стороны, изменение поведения заклинателя и вхождение последнего в одну из фаз необычного состояния сознания, а с другой – воздействие на реципиента⁷⁷ и вследствие этого имеет четкую ритмико-интонационную организацию. В ряде текстов заклинательного характера используется стиховое оформление, наиболее активно – в лечебных заговорах «от зубной боли» и в заговорах, направленных на остановку кровотечения. Так, в заговорах «от зубной боли», построенных по принципу параллелизма, существенную роль играет прием параномазии, ср.:

Месяц млад.
У него есть сын Филат.
У Филата зубы не болят...
У меня бы, раба, зубы не болели.

(ФА: Алап, 1966)

Месяц млад.
У тебя есть брат Филат.
У него зубы не болят и не ноют...

(ФА: В-Салд, 1982)

Месяц млад.
Есть у тебя Марко-брат.

⁷⁶ Артеменко Е.Б. Структурные и содержательные разновидности поэтического параллелизма в русской народной лирической песне // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. Воронеж, 1986. С.33.

⁷⁷ Харитонова В.И. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство: Статьи и материалы. М., 1995. С.21.

Ходить высоко,
Видишь далеко...

(ФА: Берез, 1985)

Для заговоров, направленных на остановку кровотечения, типичны следующие тексты:

Шла бабка по речке,
вела быка по нитке,
Нитка порвалась,
у раба (имярек) кровь пролилась.
Стану я на камень,
Кровь заканет,
Стану на кирпич,
Кровь, запекись.

(ФА: Берез, 1985)

Шла девица по угору,
вела черную корову.
Корова бьется, нитка рвется.
Стань на кирпич – кровь, запекись,
Стань на камень – кровь не канет.

(ФА: Берез, 1990)

Ср. :

Идет мужик стар,
Конь бежит кар,
А ты, кровь, не кань.

(Майков, 157)

Стану я на камень,
Кровь не канет,
Стану на кирпич –
Кровь, запекись.

(Майков, 155)

В заговорах этого типа, по-видимому, именно стиховое оформление имеет решающее значение. Сходство сопоставляемых элементов параллельной конструкции на содержательном уровне (объекты сопоставления, глагольная семантика) явно не выражено. Это связано, вероятно, с контаминацией различных мотивов, определяющих прототипическую ситуацию.

В частности, упоминания коня, всадника в заговорах, направленных на остановку кровотечения и построенных по принципу параллелизма, по свидетельству В.Н.Топорова, довольно характерны для индо-

европейской традиции в целом⁷⁸, но на уровне русской заговорной традиции они кажутся немотивированными.

Лексема *нитка* включена в следующую систему смысловых отношений: в заговорах этой тематической группы *ниткой* часто зашивают кровавые раны, ср.:

Пресвятая Богородица,
вдери шелкову ниточку в шелочку,
зашей рабу (имярек) кровавую раночку.

(ФА: Берез, 1985)

Камень, вероятно, выступает, с одной стороны, как символ неизменности, неподвижности, отсутствия потенциальной возможности осуществления действия (ср.: *На земле камень не растет, у раба (имярек) руда не идет* – Майков, 148), а с другой стороны – как место магического преобразования, как Латырь-камень, центр заговорной модели мира.

Элементы заговорного текста в подобных случаях как бы являются автономными носителями постоянных фольклорных смыслов, дифференцированных в зависимости от жанра, и далее, внутри тематической группы; следовательно, они мотивированы главным образом на уровне традиции, а не на уровне самого текста, как и элементы любого, по мнению Г.И.Мальцева, фольклорного текста в целом⁷⁹.

Жесткая ритмико-интонационная структура заговорного текста предполагает не только использование приема паронимической аттракции, но задает также определенные словообразовательные модели, реализующиеся в зависимости от места лексемы в тексте и от ее функции. На основе общенародных или диалектных слов образуются формы, характерные именно для фольклорного произведения и/или определенного жанра устного народного творчества.

Так, в лечебных заговорах при назывании болезней используются лексемы с суффиксом субъективной оценки *-ищ-*, имеющим увеличительное значение, а также, возможно, оттенок собирательности, ср.:

С гуся вода, с меня худоба,
худобища, боletiща, щепотища, ломотища...

(ФА: Алап, 1976)

⁷⁸ Топоров В.Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т.4. С. 19–21.

⁷⁹ Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики: (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л., 1989. С.135–137.

Все уроки, все призорища,
худобища, чертополошища...
чтобы не было век-повек .

(ФА: Белояр, 1992)

Так бы у раба и чирьище
с своробыщем сохли-посыхали...

(ФА: Белояр, 1977)

Данные суффиксальные образования, как правило, не приводятся в словарях, за исключением лексемы *худобище*, зафиксированной, с разными ударениями, в СРГСУ и СРГСУ-Д со значением 'заболевание грудных детей'. Для слов *чертополошище*, *щепотище* говорами не фиксируются и мотивирующие лексемы в соответствующих значениях. У В.И.Даля есть лексема *щепота* 'боль, шемота, ломота, костогрыз'. Существительное *свороб*, мотивирующее суффиксальное образование *своробыще*, имеет в СРГСУ толкование 'чесотка', тогда как в заговоре его значение шире, т.к. заговор – «от чирьев». Ср. *свороб* 'зуд, чувство и состояние места кожи, где... болит или чешется' (Даль 4, 149).

Таким образом, в целях упорядочивания текста и усиления его воздействия, при перечислении болезней в заговорах часто используются существительные с однотипным суффиксальным оформлением.

В любовных заговорах («присушки» и «отсушки») в результате паронимической аттракции и тенденции к ритмизации текста возникает не зафиксированная в СРГСУ лексема *печина*, с одной стороны, как второй, синонимичный элемент бинарного сочетания *печь-печина*: *Матушка печь-печина*, *возьми тоску-кручину* (№19), а с другой – в значении 'печаль', ср.: ...*чтобы обо мне горевал, в печине и в горечине, и в устах носил* (№14). Формы *печина* и *печина* обнаруживают исходную и сохранившуюся в фольклорных текстах связь понятий 'печаль' и 'печь'.

Поскольку изображение действия в заговорных текстах и является для заговаривающего фактическим действием, то особое внимание уделяется глагольной семантике, образующей ядро сопоставляемых ситуаций. Соответственно, при создании тождества или симметрии ситуаций часто дублируются либо сами глагольные лексемы, либо словообразовательные глагольные модели. При дублировании словообразовательных моделей иногда появляются окказионализмы, неизвестные литературному языку или диалекту и возможные только в рамках произведения фольклора, ср.:

1. Как сучок сохнет-посыхает,
чахнет-исчезает, так бы
у раба (имярек) чирьи чахли-исчезали,
сохли-посыхали.

(ФА: Белояр, 1977)

2. Как этот сучок сохнет-иссыхает,
чезнет-исчезает...
так ... чирьища...не разрастайся.

(ФА: Берез, 1990)

В заговоре (2) по модели *сохнет-иссыхает* создана форма *чезнет-исчезает*, глагол *чезнет* отсутствует как в литературном языке, так и в диалектах (хотя в СРГСУ зафиксирована лексема *хезнуть* 'долго болеть, чахнуть').

На основе диалектной лексемы *кануть* 'капнуть' (СРГСУ-Д) в выше цитируемом заговоре «на остановку крови» появляется словоформа *закануть* с обычным для русского языка значением приставки *за-* – 'начать действие, названное мотивирующим глаголом'⁸⁰. В плане содержательном появление префиксальной формы, возможно, вызвано необходимостью указания на начало действия и, далее, на его завершение: *Стану я на камень, кровь заканет, стану на кирпич, кровь, запекись*, – но поскольку в других вариантах есть и форма *не канет*, то *за-* в ритмически организованном тексте заговора воспринимается как ритмический заполнитель (*за-* в этом смысле соответствует *не-*).

В заговорах особое место занимают перечислительные ряды, включающие описание животных и/или лиц, способных причинить вред, и образующие так называемое «кольцо оберега». Среди лиц, названных в обереге, часто упоминаются *девка-простоволоска (пустоволоска)* и *бабка-самокрутка (№7,9)*, *бабка-косматка*, *бабка-волосатка (№21)*. В СРГСУ *пустоволоска* имеет следующее толкование: 'о женщине без платка, с растрепанными, непричесанными волосами'. Видимо, с тем же значением употребляются в заговорах лексемы *косматка*, *волосатка*, *простоволоска*. *Самокрутка* зафиксирована в СРГСУ со значением 'кокетка, хохотушка', в тексте заговора указанное слово имеет явно другое значение.

⁸⁰ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1980. Т.1. С.360.

Элементы бинарной формулы построены по единой модели, образуют внутреннюю рифму и служат усилению экспрессивности текста.

В одном из заговоров, бытующих на территории Среднего Урала, воспроизводится следующее «кольцо берега»: *Спаси, господи, помилуй мою коровушку от гнуса ползучего, от зверя бегучего, от колдуна, от колдуньи, от ереста, от ерестицы* (№32). Сходный перечислительный ряд обнаруживается и в одном из заговоров, приведенных Л.Н.Майковым: *Михаил-Архангел... вышибает у раба (имярек) все кричища и урочища... испущенные от бабы-самокрутки, от девки просто-волоски, от еретников, от клеветников, от еретниц, от клеветниц* (Майков, 211).

Существительные, обозначающие лиц женского пола – *колдунья, ерестица* – и образованные по продуктивному типу «сущ.м.р. + *-иц-(а)*» не зафиксированы в СРНГ и СРГСУ, так же как и *ерест* со значением лица. В СРГСУ в качестве первого значения глагола *ерестить* приводится 'клеветать', возможно, *ерест* – окказиональное отглагольное образование, имеющее место только в данном произведении фольклора. По-видимому, возникновение именований лиц женского пола, мотивированных существительными, обозначающими лиц мужского пола, вызвано стремлением заговорного «кольца берега» к всеохватности, т. е. в рамках заговора «все назвать» значит «все учесть».

Таким образом, акциональная направленность заговоров как текстов магического характера, с одной стороны, и ритмико-интонационная структура, с другой, предполагают воспроизведение определенных формульных блоков (в зависимости от тематической отнесенности заговора, от места леммы в тексте) и задают использование словообразовательных моделей, в рамках которых осуществляется лексическое варьирование, в результате чего на базе общеупотребительной или диалектной лексики возникают словоформы, характерные только для произведений фольклора и имеющие окказиональный характер. Словоформы, отсутствующие в русском литературном языке, наиболее часто появляются при перечислении болезней, причем в уральских заговорах, бытующих в настоящее время, устойчиво воспроизводятся те же именования, что встречаются в заговорных текстах, представленных в сборнике Л.Н.Майкова.